ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 3 | 2026. Volume 19. Issue 3
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Эволюция технологий информационно-психологического воздействия на ценностные ориентации молодежи в XIX-XX веках: историко-правовой анализ

Кулешова Г. П., Милешина Н. А., Потапова Л. А.

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении форм, методов и нормативно-правовых механизмов противодействия информационно-психологическому воздействию на ценностные ориентации российской молодежи и особенностей их эволюции в XIX-XX веках. В статье на основе системно-структурного анализа первоисточников доказана концептуальная преемственность манипулятивных алгоритмов радикализации (от печатных прокламаций народников до подрывного зарубежного радиовещания), направленных на искусственное разжигание правового нигилизма и использование ценностного «тильта» подростков для их вовлечения в деструктивную деятельность. Так как в результате исследования установлено, что государственные меры, сводящиеся исключительно к запретам, цензуре и уголовному преследованию, не способны полностью нейтрализовать угрозу радикализации, авторами выработаны научно обоснованные рекомендации по деконструкции современной пропаганды, что является новизной исследования.

EN

The evolution of technologies of information-psychological influence on youth value orientations in the 19th and 20th centuries: a historical and legal analysis

G. P. Kuleshova, N. A. Mileshina, L. A. Potapova

Abstract. The study aims to identify the forms, methods, and legal mechanisms for countering information-psychological influence on the value orientations of Russian youth, as well as the specific features of their evolution during the 19th and 20th centuries. Based on a systemic-structural analysis of primary sources, the article demonstrates the conceptual continuity of manipulative radicalization algorithms – from populist printed proclamations to subversive foreign radio broadcasting – aimed at artificially fomenting legal nihilism and exploiting adolescents' value-related "tilt" to involve them in destructive activities. The study establishes that state measures limited exclusively to bans, censorship, and criminal prosecution cannot fully neutralize the threat of radicalization. Therefore, the authors develop scientifically grounded recommendations for deconstructing contemporary propaganda, which constitutes the study's novelty.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена современными геополитическими условиями беспрецедентного внешнего давления на Российскую Федерацию, в которых проблема обеспечения национальной когнитивной безопасности и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения приобретает стратегическое значение. Современный этап цивилизационного противостояния характеризуется переносом деструктивного воздействия в цифровую и информационно-психологическую сферу, где главной мишенью выступает молодежь в возрасте 14-23 лет. Использование деструктивными центрами когнитивного оружия нового типа – кибервербовки, манипуляций с использованием искусственного интеллекта, ИИ-дипфейков, фейк-маркеров – чаще всего направлено на искусственное формирование у подростков чувства «навязанного стыда за свою страну» (Фомина, 2026, с. 163), правового нигилизма и их последующее вовлечение в экстремистскую деятельность и латентные террористические сюжеты.

Исторические документы доказывают, что технологии разрушения ценностных ориентиров молодежи через отрицание законов своего государства («правовой нигилизм») имеют вековую преемственность. С. Г. Нечаев, один из самых радикальных деятелей русского революционного движения XIX века, организатор тайного общества «Народная расправа» и автор знаменитого манифеста «Катехизис революционера»

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20260229

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

писал: «Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени… Он знает только одну науку, науку разрушения… Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ея побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную мораль» (1997, с. 576). Тактика революционных пропагандистов среди учащейся молодежи подробно описана в Докладе министра внутренних дел И. Н. Дурново в Департамент полиции (1894 г.): «Главная цель преступной пропаганды среди учащейся молодежи заключается в подрыве всякого уважения к закону, существующему порядку и авторитету власти, дабы посеять в юных умах полное разочарование в будущности своего Отечества и направить их естественный радикализм на путь государственного переворота» (Рабочее движение в России…, 1952, с. 413). Исследователи отмечают, что «современная деструктивная кибервербовка латентно паразитирует на подростковой дезадаптации. Моделирование процессов радикализации показывает, что кураторы деструктивных сообществ целенаправленно формируют у учащейся молодежи стойкий правовой нигилизм, транслируя ложные маркеры анонимности и безнаказанности противоправных действий в сети Интернет» (Фомина, 2026, с. 171). «Первичным этапом втягивания несовершеннолетних в диверсионную и террористическую деятельность выступает когнитивная атака на их ценностные ориентации» (Шалагин, Шалагина, 2022, с. 67). По официальным заявлениям руководства Национального антитеррористического комитета (НАК), в настоящее время зафиксирован резкий всплеск попыток использования подростков (в возрасте 14-19 лет) в качестве исполнителей особо тяжких преступлений террористической направленности (Антонченко, 2026, с. 70). Координация деструктивного воздействия в 100% случаев осуществляется зарубежными кураторами через популярные молодежные мессенджеры и игровые платформы. Подобная неэффективность антитеррористической борьбы заставляет задуматься о трех ключевых аспектах национальной безопасности. Во-первых, карательные и запретительные меры государства (цензура, блокировки, уголовное преследование) исторически борются лишь с последствиями кризиса, во-вторых, ситуация социального одиночества является питательной средой для экстремистской и террористической вербовки, в-третьих, очевидна необходимость формирования эффективной системы созидательного наставничества.

Для системного анализа историко-правовых истоков информационно-психологического воздействия на ценностные ориентации молодежи необходимо решить ряд взаимосвязанных задач:

– выявить и классифицировать базовые манипулятивные алгоритмы радикальной вербовки;
– определить логику законодателя при защите ценностного суверенитета государства в XIX-XX веках;
– дать объективную оценку эффективности государственного ответа на когнитивные угрозы прошлого и показать исторически доказанную ограниченность исключительно карательно-цензурных мер, которые при отсутствии созидательной альтернативы приводили к росту правового нигилизма и уходу молодежи в латентное подполье.

Методология исследования. Исследование основывалось на принципах историзма и объективности, общенаучных и специально-исторических методах. Принцип историзма потребовал рассмотрения тактик информационно-психологического воздействия на молодежь в их динамике, причинно-следственной связи и конкретно-исторической обусловленности, учитывая специфику геополитического положения Российского государства в каждый из исследуемых периодов. Принцип объективности обеспечил непредвзятый анализ исторических источников, исключающий субъективизм и политизацию, и позволил беспристрастно оценить как сильные, так и слабые стороны карательно-цензурной доктрины прошлых веков. Историко-сравнительный метод использовался для сопоставления нормативно-правовых ответов различных эпох (Российской империи и СССР), выявляя инвариантные правовые подходы государства к защите своего ментального и информационного суверенитета. Формально-юридический метод составил основу догматического анализа текстов дореволюционного цензурного законодательства (Временных правил о печати 1865 г., Устава о цензуре) и советского уголовного права (ст. 70 и 190.1 УК РСФСР 1960 г.), определив границы легального регулирования информационной сферы.

Источниковой базой исследования стали нормативные правовые акты (указы императоров, приказы министерств и ведомств, должностные инструкции) (Полное собрание законов…, 1830), секретные делопроизводственные материалы сыскных ведомств (всеподданнейшие доклады министра внутренних дел и аналитические обзоры революционного движения, составленные в Особом отделе Департамента полиции (1890-1894 гг.), раскрывающие внутренние жандармские тактики выявления латентного подполья в гимназиях и университетах), источники личного происхождения (мемуары, дневники) (Засулич, 1931; Фигнер, 1984; Каляев, 2018; Савинков, 1990; Тихомиров, 1927), архивные документы (Государственный архив Пензенской области, Центральный архив Нижегородской области).

Теоретическая база исследования. В дореволюционной историографии представители консервативной и охранительной мысли, в частности, К. П. Победоносцев (1896), М. Н. Катков (1897), а также авторы ведомственных обзоров Департамента полиции, квалифицировали радикализацию молодежи как проявление «духовной болезни», вызванной разрушением традиционных ценностей и насаждением западного правового нигилизма. В советской историографии – в исследованиях Б. П. Козьмина (1961), М. Н. Покровского (1966) и в сборниках документов под ред. А. М. Панкратовой (Рабочее движение в России…, 1963) – акцент смещался на социально-классовые противоречия и институциональный вакуум Российской империи. Деятельность радикалов (от нечаевщины до народовольцев) подробно изучалась с точки зрения методов их нелегальной пропаганды, однако «Катехизис революционера» С. Нечаева (1997, с. 33) справедливо признавался марксистскими историками (Покровский, 1966, с. 231-234) деструктивным и циничным извращением идеи справедливости.

На рубеже XX-XXI вв. исследователи стали акцентировать внимание на лавинообразном переносе деструктивного информационного давления в виртуальное пространство и уязвимости ценностных ориентиров

молодежи перед сетевыми технологиями манипулирования. В этот период появляются фундаментальные работы ученых – С. П. Расторгуева (1999), Г. В. Грачева (2000), – посвященные математическому и психологическому моделированию информационного оружия и защите личности от скрытого деструктивного воздействия, В. В. Антонченко (2026), Бочарникова И. С. (2024) о дуализме традиционных духовно-нравственных ценностей в России. В то время как Г. У. Утемисова (2026) представила особенности возникновения и развития кибербуллинга в подростковой среде, К. Б. Богдан исследовал вопросы совершенствования правового регулирования и предотвращения буллинга в образовательных организациях (2023). В зарубежной научно-юридической и психологической мысли рубежа XX-XXI веков и современных исследованиях последних лет (2024-2026 гг.) данная проблема развертывается в рамках трех ключевых теоретических направлений: 1) концепция смыслового переформатирования в трудах известных зарубежных теоретиков Г. Шамо, Б. Клавери (Claverie, 2022, p. 12), подробно исследующих механизмы “cognitive warfare” (когнитивной войны); 2) теория «социального отчуждения» как триггера насилия представлена как связь межличностных конфликтов и массового насилия в исследованиях Ф. Зоммера и В. Лешнера (Sommer, 2014, p. 13); 3) моделирование сетевой радикализации в ИТ-среде, представленное зарубежными криминологами – Д. Гринхилл, М. Сэйджмана (Sageman, 2008, p. 23) раскрывает феномен «безлидерного терроризма» в виртуальном пространстве. Математически они доказали, что современные сетевые платформы (мессенджеры, игровые серверы Discord) используют алгоритмы «эхо-камер», искусственно усиливающих уязвимость и одиночество подростка, вовлекающих его в латентные экстремистские сообщества (Sommer, 2014; Sageman, 2008; Claverie, 2022).

Практическая значимость. В статье систематизируются основные механизмы противодействия информационно-психологическому воздействию на ценностные ориентации учащейся молодежи, выработанные отечественной государственно-правовой системой в XIX-XX веках и адаптированные под современные реалии молодежной превенции. Результаты исследования, обобщающего исторический опыт, накопленный в сфере государственной антитеррористической политики, свидетельствуют о концептуальной неизменности и циклической повторяемости базовых деструктивных алгоритмов вовлечения молодежи в радикальную деятельность, что обусловливает необходимость трансформации реактивно-карательных подходов в систему опережающей когнитивной защиты. Материалы статьи могут быть использованы для разработки историко-правовых и научно-просветительских программ в системе высшего и дополнительного профессионального образования педагогических кадров.

Обсуждение и результаты

С момента появления первых организованных радикальных кружков в Российской империи во второй половине XIX века и вплоть до завершения эпохи глобального блокового противостояния в конце XX века, государственно-правовая система нашей страны непрерывно эволюционировала в поиске баланса между карательно-ограничительными и научно-просветительскими методами защиты ценностного суверенитета молодежи. С момента появления нелегального манифеста С. Нечаева «Катехизис революционера» (1869 г.) имперская власть столкнулась с принципиально новой технологией психологической вербовки, использовавшей латентную изоляцию и юношеский максимализм гимназистов и студентов (Нечаев, 1997, с. 45). Однако правовой ответ государства долгое время сводился исключительно к реактивно-карательным мерам – введению Общего университетского устава 1884 года, ликвидации студенческого самоуправления и тотальному надзору жандармской инспекции. Анализируя методы информационно-психологического воздействия на ценностные ориентации молодежи, можно выделить несколько наиболее часто используемых:

1. Исторический ретроспективный анализ убедительно доказывает, что базовые психокогнитивные механизмы радикализации учащейся молодежи обладают абсолютной преемственностью. Во все исследуемые периоды внешнее деструктивное воздействие строилось на эксплуатации юношеского максимализма, ценностного манипулирования, использования конструкции «навязанного стыда за свою страну» и ложного чувства справедливости. Изменялся исключительно технологический базис доставки информации: от печатных прокламаций народников и подпольных типографий в XIX веке к зарубежному радиовещанию в XX веке и далее – к современным цифровым практикам. Во второй половине XIX века вовлечение студентов университетов в радикальные организации («Земля и воля», «Народная воля», кружок Нечаева) происходило через нелегальную печать и прокламации. Вербовщики использовали максимализм, подменяя понятия: разрушение государства, что в «Катехизисе революционера» С. Нечаева представлено как «единственный честный путь к народному счастью». Анализ личных дневников и писем ключевых деятелей радикального подполья рубежа XIX-XX веков – Бориса Савинкова, Ивана Каляева, Льва Тихомирова и Веры Фигнер – позволяет реконструировать скрытые психокогнитивные механизмы деструктивного воздействия на молодежь накануне революционных событий. Ретроспективный криминологический разбор этих подлинных свидетельств эпохи наглядно вскрывает пошаговый алгоритм деформации ценностных ориентиров, проходящий через три базовых этапа:

А. Латентная социальная изоляция. В мемуарах Веры Фигнер «Запечатленный труд» подробно описано, как мелкое бытовое недовольство институциональными порядками гимназий при полном отсутствии доверительного наставничества взрослых перерастало в тотальное ментальное отчуждение от микросреды, особенно в условиях преследования властями за инакомыслие: «Бешенство неудержимое охватило меня: «Как! Я, свободная личность! И на меня наденут цепь – эту эмблему рабства!.. Этой цепью хотят сковать мою мысль, мою волю!» (1984, с. 204). Анализ дневника Веры Засулич и материалов судебного процесса 1878 года подтверждает, что длительное унижение достоинства и психоэмоциональное давление в условиях созидательного вакуума превращают молодого человека в идеальную мишень для деструктивных манипуляторов, трансформирующих

личную обиду в явный умысел на совершение насильственного преступления. С раннего детства она воспитывалась в чужой семье на положении «бедной родственницы», испытывая постоянное унижение человеческого достоинства и глубокое эмоциональное отчуждение от микросреды. Это вызывало желание пострадать и даже погибнуть за высокие нравственные идеалы подобно другим известным революционерам: «Откуда-то попалась мне “Исповедь Наливайки” Рылеева и стала одной из главных моих святынь... И судьба Рылеева была мне известна. Он-то и влёк к этому “стану погибающих”, вызывал к нему горячую любовь. И несомненно, что эта любовь была сходна с той, которая являлась у меня к Христу, когда я в первый раз прочла евангелие. Я не изменила ему: он самый лучший, он и они достаточно хороши, чтобы заслужить терновый венец, и я найду их и постараюсь на что-нибудь пригодиться в их борьбе» (Засулич, 1931, с. 111). Позже она провела два года в одиночном тюремном заключении по «процессу нечаевцев» без доказанной вины. Оставшись один на один со своей травмой, В. Засулич ушла в радикальное подполье. Не случайно, на громком судебном процессе по делу В. Засулич её адвокат П. Александров говорил: «Её скорбная, скитальческая молодость объяснит нам ту накопившуюся в ней горечь, которая сделала её менее спокойною, более впечатлительною и более болезненною по отношению к окружающей жизни» (Рабочее движение в России..., 1957, с. 116). Новость о незаконном сечении студента Боголюбова срезонировала с ее личными обидами на государственную систему (Засулич, 1931, с. 124).

Б. Когнитивное переформатирование понятий морали и права. В «Дневниках и письмах» Ивана Каляева зафиксирован феномен религиозно-мистического извращения ценностей: убийство человека (теракты против государственных чинов) вербовщиками и самим автором перекодировалось в «священный акт любви к народу» и «подвиг самопожертвования» (2018, с. 78). Как отмечает в своих «Воспоминаниях» Борис Савинков, внутри Боевой организации эсеров целенаправленно насаждался жесткий правовой нигилизм и культ избранничества. Так, обычные уголовные преступления маскировались под «высший долг», полностью стирая в сознании молодых интеллигентов барьеры перед совершением насилия: «Хорошо умереть с непоколебленной верой в душе, с сознанием своей непререкаемой правоты. Хорошо в последний, в предсмертный час заглянуть в свою совесть и помолиться: “Господи, я исполнил свой долг”» (Савинков, 1990, с. 94).

В. Крах иллюзий и латентный характер деструктивного тупика. Уникальным материалом для криминологического анализа выступают «Записки террориста» Льва Тихомирова (одного из лидеров «Народной воли», впоследствии полностью раскаявшегося). В них представлена стадия деконструкции террористического мифа. Тихомиров (1927, с. 321)детально описывает его, как «романтический» образ борца за справедливость, транслируемый нелегальной зарубежной печатью для вовлечения незрелой учащейся молодежи, при столкновении с реальностью оборачивается грязным, тупиковым и бескомпромиссным криминалом, разрушающим личность и судьбу человека.

Советская власть с момента своего установления использовала целый комплекс методов для контроля над настроениями в молодежной среде и борьбой с любым инакомыслием. Среди них можно выделить:

1. Установление монополии на власть и запрет альтернативных политических сил. Уже в первые годы после революции власть последовательно ликвидировала многопартийность: запрещала оппозиционные партии (эсеров, меньшевиков), закрывала их печатные органы, ограничивала предвыборную агитацию. Внутри правящей партии, где было много молодежи, тоже была запрещена легальная фракционная борьба, о чем свидетельствует резолюция X съезда РКП(б) 1921 года «О единстве партии» (Коммунистическая партия..., 1983, с. 324).

2. Агитационно-пропагандистское давление. Власть активно использовала государственный аппарат и СМИ, чтобы дискредитировать оппонентов. На комсомольских и партийных собраниях, в СМИ оппозиционеров выставляли «контрреволюционерами», «защитниками буржуазии» или «врагами пролетариата», манипулируя общественным сознанием. Иногда в ход шли и личные, порой сомнительные факты из биографий лидеров оппозиции.

3. Административные и организационные меры. Сюда относились массовые исключения из комсомола и партии, снятие с ключевых постов, административные высылки и ссылки. Иногда власть использовала поводы вроде внешних угроз (например, «военная тревога» 1927 года) для того, чтобы объявить оппозиционеров мешающими «всеобщему сплочению».

4. Репрессивные методы. Со временем роль силового давления росла. Органы госбезопасности (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, затем Государственное политическое управление, Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР) вели политический сыск: устанавливали негласное наблюдение, внедряли провокаторов, проводили аресты, обыски. Позже это переросло в массовые политические репрессии: показательные судебные процессы (например, «Шахтинское дело» 1928 года), внесудебные расправы (через «тройки»), создание системы лагерей (ГУЛАГ). Репрессии касались не только лидеров и сторонников оппозиции, но и их родственников.

5. Идеологическое обоснование. Чтобы легитимизировать жёсткие меры, власть опиралась на марксистско-ленинскую идеологию. Оппозиционные взгляды объявлялись «уклонами» (левый, правый), «национал-большевизмом» или иными формами отступления от генеральной линии партии.

6. Контроль и профилактика. Создавалась система постоянного политического контроля над молодежными умонастроениями – через комсомольские и партийные органы, политорганы в армии, а также через сеть осведомителей. Цель была не только реагировать на уже проявившуюся оппозицию, но и в том, чтобы выявлять, а также нейтрализовать инакомыслие на ранних этапах.

Со временем эти направления усиливали друг друга. Например, после того как оппозиция переходила к нелегальным методам (листовки, конспиративные собрания), у власти появлялся формальный повод для новых арестов. В итоге к началу Великой отечественной войны 1941-1945 гг. сложилась система, при которой любое инакомыслие жёстко подавлялось, а возможность организованной оппозиции была сведена к минимуму.

В послевоенный период, с началом Холодной войны (вторая половина XX века) информационные атаки западных радиостанций («Голос Америки», «Радио Свобода») создавали иллюзию «свободного западного мира» (культ исключенности) в противовес «советской реальности», формируя у молодежи различные диссидентские настроения (Антонченко, 2026). Через трансляцию музыкальных программ и передач о западном образе жизни у советских подростков формировался комплекс неполноценности по отношению к зарубежной массовой культуре, что провоцировало рост латентного идейного отчуждения в студенческой среде. Информационные атаки поощряли фарцовку, мелкую контрабанду, уклонение от комсомольской работы и распространение нелегального самиздата, что квалифицировалось государством как «идеологическая диверсия».

2. На протяжении XIX-XX веков отечественный законодатель неизменно рассматривал посягательства на ценностные ориентации молодежи как прямую угрозу государственной безопасности. Была выстроена последовательная система нормативно-правовой защиты. В Российской империи это выразилось в издании Чугунного устава 1826 г., Временных правил о печати 1862 и 1865 гг., Устава о цензуре и печати 1890 г., а также Университетских уставов 1835 и 1884 гг., ликвидировавших автономию вузов с целью пресечения «крамолы». В советский период правовой ответ эволюционировал в сторону жестких уголовно-правовых институтов защиты государственного строя. Кроме того, еще в период правления Николая I (1825-1855), напуганного восстанием декабристов и началом проникновения «революционной заразы» в Россию, в университетах был введен инспекторский надзор, а с 1834 года – форма для студентов для контроля за ними и во внеучебное время. Инспекторам, назначаемым из профессоров, помогали студенты-субинспекторы – они призваны были фиксировать «дерзости и соблазны» учащихся и докладывать о них начальству. С проверкой могли неожиданно явиться в квартиры студентов, чтобы узнать, где живет студент, каковы источники его дохода и чем он занимается в свободное время (Рабочее движение в России..., 1952, с. 281).

Власть на всех уровнях строго следила за качеством образовательного процесса и преподавания в высших учебных заведениях, чтобы не допустить проникновения в молодые умы никакой «крамолы». В этом отношении показательны знаменитые университетские ревизии николаевской эпохи, когда лучшие профессора увольнялись из университетов «за неблагонадежность». Так, в письме Министерства Народного Просвещения Казанского учебного округа от 30 ноября 1851 г. директору Нижегородского Александровского Дворянского института сообщалось, что учитель французского языка Смуркович «состоит под секретным наблюдением полицейского начальства» за причастность к громкому политическому делу (Центральный архив Нижегородской области, ф. 522, оп. 1, д. 21б, л. 3-3 об.). В результате было предписано «учредить за образом жизни Смурковича личное наблюдение», а директора института попросили «в случае каких-либо неблагоприятных поступков Смурковича сообщать о них» (Центральный архив Нижегородской области, ф. 522, оп. 1, д. 21б, л. 4). В официальной переписке директора Пажеского корпуса А. А. Кавелина 1830-1834 гг. о расследовании деятельности тайных революционных обществ содержатся размышления о предотвращении распространения подобной «заразы» на преподавательский состав корпуса (Российский государственный исторический архив, ф. 947, оп. 1, д. 130, л. 4).

В Уголовный кодекс РСФСР 1960 года были включены знаменитые статьи: ст. 70 («Антисоветская агитация и пропаганда») и ст. 190.1 («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»). Данные нормы выступали прямым юридическим барьером против идеологических диверсий. Постановление ЦК КПСС от 4 февраля 1971 г. «О мерах по ограждению советских людей от идеологических диверсий империализма» предписывало противопоставлять запретам принудительное вовлечение студентов в созидательную деятельность.

3. Исторический опыт правоприменения наглядно демонстрирует, что государственная стратегия, опирающаяся исключительно на цензурные запреты, блокировки и реактивное уголовное преследование, имеет ограниченную эффективность. Жесткое административное давление в условиях ведения когнитивной войны против России без предоставления сильной идеологической и созидательной альтернативы неизбежно приводило к уходу деструктивных элементов в латентное подполье и росту правового нигилизма среди студенчества (Шалагин, Шалагина, 2022, с. 86). Ярким историческим примером деструктивных последствий исключительно карательного давления является введение Общего университетского устава 1884 года. Жесткое административное давление инспекции и ликвидация студенческого самоуправления без предоставления сильной созидательной альтернативы привели к тому, что легальные студенческие землячества мгновенно трансформировались в законспирированные нелегальные ячейки. Ограничительные меры не уничтожили радикальные мысли, а законсервировали и радикализировали их, что в среднесрочной перспективе вызвало беспрецедентный всплеск терроризма в начале XX века. Наиболее успешные исторические прецеденты противодействия зарубежной пропаганде всегда основывались на сочетании правовых ограничений с вовлечением молодежи в коллективный созидательный труд, институты наставничества и научное сотворчество (опыт комсомольских организаций, студенческих лекториев и научных обществ).

История свидетельствует о трех роковых ошибках со стороны руководства государства. Первая состоит в том, что накануне катастрофы 1917 года имперская власть сделала ставку исключительно на полицейский надзор, цензурные блокировки и жесткий административный диктат. Такое карательное давление в условиях когнитивной войны без предоставления молодежи мощной смысловой и творческой альтернативы не уничтожает деструктивные замыслы вербовщиков, а лишь консервирует их, выталкивая молодежь в латентное подполье и разжигая тотальный правовой нигилизм. Во-вторых, в дореволюционных гимназиях и на рубеже 1980-1990-х годов в СССР государственные институты оказались слепы к микрокризисам в ученических коллективах, списывая социальный бойкот и ментальное отчуждение учащихся на «бытовые споры». Оставшись в состоянии психологического одиночества, молодые люди (как Вера Засулич в XIX в. или радикалы конца XX в.)

превращались в идеальные мишени для зарубежных манипуляторов, которые легко перехватывали их сознание, трансформируя личную обиду в умысел на разрушение государства. В-третьих, это бюрократизация и формализм воспитательной работы. В позднем СССР (накануне распада 1991 года) живое созидательное наставничество комсомольских организаций и студенческих лекториев во многом выродилось в сухие отчеты, «директивные нотации» и формальные политинформации. Потеря качества просветительского контента привела к возникновению у советской молодежи «коммуникативной слепоты».

Заключение

Ретроспективный анализ убедительно доказывает, что базовые психокогнитивные механизмы радикализации учащейся молодежи обладают абсолютной преемственностью. Во все исследуемые периоды внешнее деструктивное воздействие строилось на эксплуатации юношеского максимализма, навязывании ценностных критериев, искусственном конструировании «стыда за свою страну» и ложного чувства справедливости. Изменялся исключительно технологический базис доставки контента – от печатных прокламаций и подпольных типографий народников в XIX веке к зарубежному радиовещанию в XX веке и далее – к современным Telegram-каналам, Discord-серверам и ИИ-дипфейкам в XXI веке.

На протяжении XIX-XX веков отечественный законодатель неизменно рассматривал посягательства на ценностные ориентации молодёжи как прямую угрозу государственной безопасности. Была выстроена последовательная система нормативно-правовой защиты: от Временных правил о печати 1862 и 1865 гг. и Университетского устава 1884 г. в Российской империи до жёстких уголовно-правовых институтов советского периода, таких как ст. 70 («Антисоветская агитация и пропаганда») и ст. 190.1 УК РСФСР 1960 г., каравших за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих государственный строй (Уголовный кодекс РСФСР, 1961). Исторический опыт правоприменения наглядно демонстрирует, что государственная стратегия, опирающаяся исключительно на цензурные запреты, блокировки и реактивное уголовное преследование, имеет ограниченную эффективность. Жесткое административное давление в условиях ведения когнитивной войны против России без предоставления сильной идеологической и созидательной альтернативы неизбежно приводило к уходу деструктивных элементов в латентное подполье и росту правового нигилизма среди студенчества. После убийства Александра II народовольцами в 1881 году имперская власть сделала ставку исключительно на карательно-ограничительные меры. В 1884 году был принят Общий устав императорских российских университетов, который полностью ликвидировал университетскую автономию, ввёл жесточайший надзор инспекции за поведением студентов, запретил любые студенческие союзы, кружки и собрания, а плата за обучение была повышена в несколько раз (для отсечения бедных слоев населения). Принятие Устава 1884 года и последующие циркуляры (включая знаменитый циркуляр «о кухаркиных детях» 1887 г.) были нацелены на полную «зачистку» умов, но при отсутствии сильной государственной созидательной альтернативы и наставничества привели к обратному эффекту. Именно в условиях этого жестокого административного вакуума и когнитивного давления выросло поколение студентов, которое сформировало ядро боевых организаций партий эсеров и социал-демократов в начале XX века (Общий устав…, 1887)

Подводя итоги, хотим сделать акцент на педагогической системе А. С. Макаренко, признанной ЮНЕСКО одним из четырех столпов мировой педагогики XX века, которая доказала, что изолированная, точечная работа с девиантным подростком малоэффективна. Ценностные ориентации личности закладываются только через коллектив и в коллективе («педагогика параллельного действия»). Жесткое административное давление без предоставления сильной альтернативы выталкивает молодежь в подполье. Эффективная превенция деструктивного поведения не может строиться на директивных нотациях или изолированном психологическом давлении на личность.

В качестве перспектив дальнейшего исследования авторами рассматривается детальное сопоставление тактик когнитивных трансформаций прошлого (XIX-XX вв.) с новейшими цифровыми угрозами XXI века (алгоритмы ИИ, дипфейки, метавселенные), что позволит прогнозировать новые каналы деструктивной пропаганды. Подобный анализ, в свою очередь, создаст условия для выявления более эффективных и прогностически точных правовых механизмов защиты национального информационного суверенитета и ценностных ориентаций подрастающего поколения.

Материалы исследования | Research materials

1. Засулич В. И. Воспоминания / под ред. Б. П. Козьмина. М.: Издательство Общества политкаторжан, 1931.
2. Каляев И. П. Письма, стихи, воспоминания. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2018.
3. Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1863-1887 гг.: в 25 т. М.: Издание С. П. Катковой, 1897. Т. 12. 1874 г.
4. Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). М.: Политиздат, 1983. Т. 2. 1917-1922.
6. Нечаев С. Г. Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / под ред. Е. Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997.

7. Общий устав императорских Российских университетов от 23 августа 1884 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб.: Государственная типография, 1887. Т. IV.
8. Победоносцев К. П. Московский сборник. М.: Синодальная типография, 1896.
9. Покровский М. Н. Избранные произведения. М.: Мысль, 1966.
10. Полное собрание законов Российской империи: в 33 т. СПб.: Тип. II Собственного Его Императорского Величества Канцелярии Отделения, 1830.
11. Рабочее движение в России в XIX веке: сборник документов и материалов / под ред. А. М. Панкратовой. М.: Госполитиздат, 1952. Т. III. 1885-1894, ч. 2. 1892-1894.
12. Российский государственный исторический архив. Ф. 947. Оп. 1. Д. 130. Л. 4.
13. Савинков Б. В. Воспоминания террориста / предисл. И. М. Пушкаревой. М.: Политиздат, 1990.
14. Тихомиров Л. А. Записки народника. Воспоминания о «Народной воле». М.: Государственное издательство, 1927.
15. Уголовный кодекс РСФСР: принят Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. / Министерство юстиции РСФСР. М.: Юридическая литература, 1961.
16. Фигнер В. Н. Запечатленный труд: в 2 т. / под ред. Н. М. Пирумовой. М.: Мысль, 1984. Т. 1: Вехи жизни.
17. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 522. Оп. 1. Д. 21б. Л. 3-4.

Источники | References

1. Антонченко В. В. Дуализм традиционных духовно-нравственных ценностей // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2026. № 51 (1). https://doi.org/10.52575/2712-746X-2026-51-1-69-82
2. Богдан К. Б. Совершенствование правового регулирования профилактики и предотвращения буллинга в образовательных организациях Российской Федерации // Юридическая наука. 2023. № 4.
3. Бочарникова И. С. Скулшутинг как крайняя форма девиантного поведения: взгляд экспертов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т. 6. № 3. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i3.538
4. Грачев Г. В. Информационные технологии политической борьбы в российских условиях // Полис. 2000. № 3.
5. Расторгуев С. П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1999.
6. Утемисова Г. У. Социально-психологические детерминанты стратегий преодоления кибербуллинга подростками России и Казахстана: дисс. ... к. психол. н. СПб., 2026.
7. Фомина И. А. Цифровая среда как фактор формирования девиантного поведения несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, и меры превентивного реагирования // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. № 1 (37).
8. Шалагин А. Е., Шалагина А. К. Профилактика деструктивного поведения в подростково-молодежной среде // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 24-25 ноября 2022 г.). Чебоксары, 2022.
9. Claverie B. Cognitive Warfare: The Definition of the Fourth Operational Domain // NATO Innovation Hub Report. 2022.
10. Sageman M. Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. https://doi.org/10.9783/9780812206784
11. Sommer F. Bullying, Romantic Rejection, and Conflicts with Teachers: The Crucial Role of Social Dynamics in the Development of School Shootings // International Journal of Developmental Science. 2014. Vol. 8. № 1-2.

Информация об авторах | Author information

RU

Кулешова Галина Петровна[1], д. соц. н., доц.
Милешина Наталья Александровна[2], д. ист. н., доц.
Потапова Людмила Александровна[3], к. юрид. н., доц.
[1, 2, 3] Средне-Волжский институт Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) – филиал в г. Саранске

EN

Galina Petrovna Kuleshova[1], Dr
Natalia Alexandrovna Mileshina[2], Dr
Lyudmila Alexandrovna Potapova[3], PhD
[1, 2, 3] The Middle Volga Institute of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation) – a branch in Saransk

[1] *kuleshova62@yandex.ru,* [2] *natmil@mail.ru,* [3] *lap-law@ya.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.09.2026; опубликовано online (published online): 24.09.2026.

Ключевые слова (keywords): ценностные ориентации молодежи в России; радикализация молодежи; правовые механизмы; когнитивное оружие; информационно-психологическое воздействие; цензурное законодательство; youth value orientations in Russia; youth radicalization; legal mechanisms; cognitive weapon; information-psychological influence; censorship legislation.